

ИСТОРИЯ АДВОКАТУРЫ

В.Н. Ивакин*

НЕДОПУСТИМОСТЬ ВЕДЕНИЯ НЕПРАВЫХ ДЕЛ

Аннотация. Еще в Древнем Риме для предотвращения использования адвокатами своих знаний и способностей с целью отстаивания противоречащих закону и морали требования или возражений своих доверителей был установлен прямой запрет ведения адвокатами неправых дел. Данный запрет содержался в тексте особой профессиональной присяги, которую адвокаты должны были произносить в начале каждого защищаемого дела. В принятых позднее средневековых нормативных правовых актах и сводах местных обычаев содержались аналогичные правила. Однако было бы ошибочным абсолютизировать те положения, которые касались запрета принятия адвокатами несправедливых дел, поскольку, во-первых, оценка их законности и нравственности давалась самими же адвокатами, во-вторых, перспективы дела непосредственно на момент обращения заинтересованного лица могли быть недостаточно ясны. Внешне бескомпромиссную позицию по вопросу о недопустимости ведения несправедливых дел, начиная со Средних веков, занимали французские юристы. Однако с течением времени в качестве их оппонентов в литературе выступил ряд известных юристов из других стран. Что же касается законодательства, то еще во времена Наполеона, 4 февраля 1804 г., во Франции был утвержден новый текст присяги французских адвокатов, в котором вообще умалчивалось о выборе дел последними. Ко второй же половине XIX в. только бельгийское законодательство предписывало адвокатам «защищать лишь те дела, которые представляются справедливыми их душе и совести». Между тем на уровне доктрины и адвокатской этики вопрос оставался достаточно спорным. Например, английские адвокаты так и не пришли к согласию, аналогичные разногласия существовали и среди российских присяжных поверенных, что потребовало продолжения дискуссии в XX в.

Ключевые слова: адвокат, принятие поручения, отбор дел, ведение несправедливых дел, неправота нравственная, неправота юридическая, запрет, присяга, отмена запрета, усмотрение адвоката.

DOI: 10.7256/1729-5920.2014.2.8940

В период становления адвокатуры определению адвокатов как служителей закона, а не частных лиц содействовал запрет ведения ими неправых дел. Проблема соблюдения правил этики при оказании юридической помощи сторонам в суде возникла еще в древние времена. Много упреков, в частности, заслуживали те из оказывающих такую помощь лиц, которые без разбору брались за любое дело, по которому к ним обращались. Положение, согласно которому лицо, осуществ-

ляющее защиту в суде, должно вести только правые дела, стало признанным в Риме задолго до создания организованной адвокатуры. Много доводов в пользу этого положения приведено в I в. н. э. известным теоретиком ораторского искусства Квинтилианом. «Если бы сила слова была орудием коварства, то не было бы ничего пагубнее для общественных и частных дел, чем красноречие... Сама природа была бы не матерью, а мачехой, когда бы сделала дар слова союзником злодеяний, против-

© Ивакин Валерий Николаевич

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры адвокатуры и нотариата Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
[ivakin.st@mail.ru]

123995, Москва, Садовая-Кудринская, д. 9.

ником невинности, врагом истины. Ибо лучше родиться немymi и совсем не иметь разума, чем обращать дары Провидения на взаимную погибель... Оратор защищать не всякого согласится: его красноречие есть спасительное пристанище, открытое для несчастных, но не убежище для разбойников; к поданию помощи решится он более всего качеством дела»¹. «Стыд не должен Оратора удерживать от взятых на себя дела, которое с первого взгляда показалось ему справедливым, а по дальнейшем исследовании нашлось неправым, хотя бы он уже сказал истцу, что успех в тяжбе его несомнителен. Ибо великую, если не ошибаюсь, сделает Оратор услугу, когда не будет мантия тяжущегося пустою надеждою. Да и сей не достоин попечений своего защитника, когда не послушается принимать от него совета. А для Оратора, какового мы предполагаем, неприлично защищать заведомо ложное»². Советуя адвокатам принимать дела не иначе, как после тщательного изучения их, он заканчивает свои соображения следующим выводом: «Оратор, исследовав таким образом дело и выяснив себе все, что говорит в пользу и во вред его, должен затем принять на себя роль третьего лица – судьи, вообразить, что дело производится перед ним, и признать те доводы, которыми бы он сам тронулся, произнося решение, самыми сильными, перед кем бы они ни были высказаны. Тогда он редко обманется в исходе, или вина будет уже на стороне судьи»³.

С оформлением же в Древнем Римесловия адвокатов для предотвращения использования ими своих знаний и способностей с целью отстаивания противоречащих закону и морали требований или возражений своих доверителей был установлен прямой запрет ведения адвокатами неправых дел. Данный запрет содержался в тексте особой профессиональной присяги, которую адвокаты должны были произносить не при вступлении в сословие, а в начале каждого дела. Они клялись, что приложат все усилия к тому, чтобы оправдать законные и справедливые

требования клиента, не замедлят отказаться от ведения дела даже во время производства, если убедятся в его неправооте, все равно будет ли эта неправота нравственной или юридической, т.е. будет ли дело нечестным (*causa improba*) или юридически неосновательным (*penitus desperata*). В случае отказа адвоката от такого дела тяжущийся не имел права приглашать другого, чтобы, как говорилось в законе, «пренебрегая лучшими адвокатами, стороны не стали избирать нечестных». Если тяжущийся имел несколько адвокатов, из которых одни считали возможным вести дело, а другие – нет, то первые могли продолжать защиту, но на место вторых нельзя было приглашать новых⁴.

Можно думать, что императорские похвалы заслуживались адвокатами главным образом путем угодничества и низкопоклонства, а не мужественной защитой невинных людей. Писатель IV в. Аммиан Марцеллин рисует потрясающую сцену бесстыдства и продажности адвокатов своей эпохи: тут и «сеятели раздоров», ссорящие друзей и «обращающие святилище правосудия в какие-то темные капканы, откуда не выпускают, пока не высосут всех соков», и «невежественные наглецы с дерзкою руганью вместо доказательств»; некоторые из них «не помнят, держали ли они когда-либо в руках книгу», и если при них будет названо имя древнего автора, «они сочтут его за название диковинной рыбы или какого-либо кушанья»; тут и «специалисты в юриспруденции, заглохшей в хаосе противоречивых законов». Они даже «матереубийце пообещают оправдать его с «помощью никому неизвестных текстов», если только у него есть деньги...» (*Res gestae*, L. XXX, p. IV). Пораженные яркостью описания Аммиана Марцеллина, историки адвокатуры – Грелле-Дюмазо, Форсит и Васьяковский – склонны принимать его в известной мере за карикатуру, вызванную тем, что автор сам лично пострадал от адвокатов.

Высокая моральная оценка со стороны императорской власти деятельности первых поколений римских адвокатов была, очевидно, обусловлена той помощью, которую оказывали последние претендентам на римский престол в V в. н. э., активно участвуя в хитросплетениях борьбы за власть в Поздней Римской империи. Разумеется, что к участию в этой ожесточенной, нередко кровавой борьбе привлекались лучшие юридические умы того времени.

⁴ Васьяковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 1. СПб., 1893. С. 65.

¹ Марка Фабия Квинтилиана двенадцать книг риторических наставлений. Ч. 2. СПб., 1834. С. 457.

² Там же. С. 457–458.

Сравните у Молло: «Отговорить клиента от неудачного процесса, значит оказать ему большую услугу»; «Нечестно было бы обнадеживать клиента в деле, представляющемся сомнительным» (Молло М. Правила адвокатской профессии во Франции // Традиции адвокатской этики. Избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX в.) / сост. И.В. Елисеев, Р.Ю. Панкратов. СПб., 2004. С. 51, 54 (правила 65, 68).

³ Марка Фабия Квинтилиана указ. соч. С. 457.

Что же касается остальных адвокатов, то многие из них находились на значительно более низком уровне профессионального и нравственного развития, на что и указывают их современники – древнеримские историки. Не следует сбрасывать со счетов и традиционно отрицательное отношение обывателей к адвокатам, в том числе и во времена Древнего Рима, не изжитое до сих пор, а иногда прямо враждебные отношения между древними историками, тем же Аммианом Марцеллином, и адвокатами⁵.

В средневековых нормативных актах также предусматривалась обязательность отказа адвокатов от поддержания необоснованных требований в суде. Так, в августе 1231 г. на придворном съезде в Мельфи король Сицилии и император Священной римской империи Фридрих II Гогенштауфен обнародовал один из самых прогрессивных законодательных актов своего времени – Конституции (уставы) королевства Сицилийского («Мельфийские конституции»), получившие также еще одно название – «Lieber Augustalis» (Августинианская книга, или Книга Августа). В книге I Lieber Augustalis нашли отражение основные черты сицилийской системы правосудия, в том числе адвокатуры. В титуле 84 предусматривалось, что адвокаты во всех судах должны были перед допуском к работе и затем ежегодно приносить следующую профессиональную клятву: «Они будут заботиться о помощи стороне, защиту которой они возьмут на себя, со всей доверительностью и правдивостью без всяких хитростей. Они не будут подсказывать им отношение к фактам по делу. Они не будут осуществлять давления против их подлинных убеждений и не будут брать на себя защиту безнадежных дел. Если они возьмут на себя ведение дел, которые запутаны ложью одной из сторон и которые сначала казались им справедливыми, но в ходе слушаний на основании фактов или закона оказались несправедливыми, они немедленно прекратят защиту...»⁶. Приведенные нормы явно направлены не только против принятия адвокатами поручений на ведение неправых дел, но и против склонения самими адвокатами сторон к неправомерной тяжбе.

О распространенности в Средние века в Западной Европе закрепленного еще в рим-

ском праве положения о недопустимости ведения адвокатами неправых дел свидетельствует и содержание знаменитых «Учреждений Людовика Святого» (1270 г.)⁷, заложивших основы французского судоустройства и судопроизводства. Прежде всего в этом нормативном документе адвокатам предписывалось «не защищать на суде незаконных дел» (causes deloyales).

Аналогичные правила содержались и в Кутюмах Бовези – памятнике права, представляющем собой запись обычного права северо-восточной части Франции, сделанную в 1282 г. В §175 этого акта указано: «Если кто-либо хочет стать адвокатом ... он должен присягнуть, что, исполняя свои обязанности адвоката, он будет вести себя хорошо и честно, что он, насколько ему будет известно, будет вести только добрые и законные дела, что если он начнет дело, которое в начале покажется ему правильным, а потом узнает, что оно нечестно, он сразу, как только узнает об этом, бросит его»⁸.

В Англии «Зерцало правосудия», изданное в период правления Эдуарда II (1307–1327), требовало от адвокатов посвящать все свои заботы интересам клиентов, не искажать истины, поддерживать только правые дела, воздерживаться от лжи.

Формула присяги римских адвокатов послужила образцом для законодательства многих стран Западной Европы, в том числе не только для французского и английского, но и шотландского, испанского, отчасти итальянского, прусского, австрийского, саксонского, ольденбургского и др.⁹

Что касается французских юристов, то они абсолютизировали взгляды Квинтилиана, приписывая ему совершенно бескомпромиссную позицию в отношении ведения адвокатами дел, представляющихся сомнительными

⁷ Как отмечал Г.Ф. Шершеневич, данный документ представлял собой частную работу, только появившуюся в царствование Людовика IX (Шершеневич Г.Ф. Официальный отзыв на сочинение Е.В. Васьковского, канд. юрид. наук, под заглавием «Организация адвокатуры» в 2-х частях 1893 года, которое он представил для получения степени магистра гражданского права // Ученые записки Императорского Казанского Университета. Год LXIV. Девятая книга. Сентябрь. Казань, 1897. С. 8).

⁸ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Т. I: Древний мир и Средние века. М., 2003. С. 576.

⁹ Васьковский Е.В. Основные вопросы адвокатской этики // Традиции адвокатской этики. Избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX в.). С. 294.

⁵ Чельцов М. Об адвокатской профессии и юридической природе советской адвокатуры // Советское государство и право. 1940. № 7. С. 109–110.

⁶ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 404.

с нравственной точки зрения¹⁰. Именно так толковали его высказывания Пьер де Фонтэн, Дюран, Бомануар, Бутилье, Ларош-Флавэн, Гуссон, Фио-де-ла-Марш и многие другие¹¹. При этом излагая свою точку зрения, эти авторы практически дословно воспроизводили положения, сформулированные Квинтилианом. Так, по словам Фио-де-ла-Марша, в сомнительных случаях адвокату следует поставить себя в положение судьи и представить себе вероятность того или другого решения, а затем остановиться на том или другом, и, само собой, на представляющемся ему наиболее вероятным¹². В частности, Буше д'Аржи учил следующему: «Ложный стыд не должен мешать адвокату отказаться от дела, кажущегося ему поначалу правым и которое лишь по более тщательном рассмотрении он признал неправым»¹³.

В таком же духе высказывались и более поздние французские авторы. Так, Камю говорил: «Адвокат одинаково выслушивает всех лиц, обращающихся к нему; но он не защищает дела всех без различия. Его кабинет – частное судилище; он судит там дела прежде, чем принять на себя их защиту. Употреблять свои таланты для прикрытия несправедливости значило бы делать из них преступное применение». То же самое повторяли д'Агессо, Мейер, Дюпэн и др.¹⁴ По этому поводу Молло писал: «Адвокат может отказаться от ведения представляющегося ему сомнительным гражданского дела, хотя бы он и консультировал в пользу его, не имея достаточных доказательств. Нечестно было бы обнадеживать клиента в деле, представляющемся сомнительным»¹⁵.

Приведенные положения могли бы вызвать серьезные опасения в отношении защиты интересов клиентов французских адвокатов, если бы они на самом деле неукоснительно соблюдались на практике. Ссылаясь на статью А. Барымова «Защита по уголов-

ным делам», опубликованную в журнале «Юридический Вестник» (1878. № 9–11; 1879. № 8), российский присяжный поверенный Д. Невядомский писал: «Практика французских судов, – говорит г. Барымов, – представляет гораздо более примеров осуществления бентамовских принципов¹⁶, чем в какой-либо другой стране, не исключая и самой Англии. Только этим, конечно, можно объяснить себе слух, сообщенный недавно газетами, будто в правительственных сферах Франции идут уже разговоры на тему об упразднении адвокатуры как сословия»¹⁷. Оставляя в стороне газетные слухи того времени, следует заметить, что тогдашние российские адвокаты были в большей степени, чем современные, осведомлены о французской адвокатской практике в силу гораздо более тесных контактов, существовавших между жителями России и Франции.

Впрочем, и сам Молло, взгляды которого приведены выше, все же не абсолютизировал служение адвоката установлению объективной истины по рассматриваемому делу. В частности, в другом месте своего труда он писал: «Обязательность сообщений (документов адвокату противной стороны. – В.И.) не может простирается до того, чтоб стеснять защиту или компрометировать интересы клиента. Так, адвокат не обязан предъявлять документов, невыгодных для клиента: *nemo cogitur edere contra se* (никто не обязан поступать против себя).

Так, если в первой инстанции адвокат ответчика считает лучшим отклонить требование документа, представляющееся ему несправедливым и в то же время тягостным для клиента, если он не знает, как им воспользуется противная сторона, или если думает, что непредъявлением документа может довести истца до требуемого сознания, или, обнаружив клевету и противоречия, подтверждаемые документом, выяснить таким образом и недобросовестность противной стороны – он имеет право дать ей сначала высказаться и уже потом только что-либо предъявить. Противная сторона упрекать его может в том, что несвоевременным предъявлением документа

¹⁰ Между тем Квинтилиан писал: «...Нахожу много причин, по которым Оратор может, не нарушая чести, принять на себя такое дело, за которое, без побуждения честного и законного, никогда бы не взялся» (Марка Фабия Квинтилиана двенадцать книг риторических наставлений. Ч. 2. С. 423).

¹¹ Васильковский Е. В. Основные вопросы адвокатской этики. С. 296.

¹² Молло М. Указ. соч. С. 55–56.

¹³ Цит. по: Молло М. Указ. соч. С. 65.

¹⁴ Васильковский Е. В. Основные вопросы адвокатской этики. С. 296.

¹⁵ Молло М. Указ. соч. С. 54 (правило 68).

¹⁶ Согласно учению известного английского философа, экономиста и теоретика права И. Бентама, в трактовке А. Барымова и Д. Невядомского, адвокат должен принимать поручение на ведение любого дела.

¹⁷ Невядомский Д. Вечные вопросы адвокатуры (по поводу «Этюда по адвокатской этике» Гр. Джаншиева) // Традиции адвокатской этики. Избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX в.). С. 237.

он ввел ее в заблуждение; но законный интерес клиента должен приниматься во внимание прежде всего.

Впрочем, от такта адвоката ответчика всегда будет зависеть согласить правило с его применением и интересы клиента с уважением к собрату»¹⁸.

Однако неукоснительное соблюдение декларируемого правила об отказе адвокатов от ведения неправых дел представляло большие сложности. Очевидно, что такой критерий отбора дел адвокатом, как правота клиента, был трудноуловимым. Анализируя содержание § 175 Кутюмов Бовези, предусматривавшего принесение адвокатом присяги, что «он, насколько ему будет известно, будет вести только добрые и законные дела», Н.В. Андрианов пишет: «На первый взгляд может показаться, что приведенное положение серьезно ограничивает свободу выбора адвоката в принятии поручений на ведение дел, а значит и само право французских подданных на юридическую помощь. Мол, только “добрые и законные дела” достойны ее. Но ведь законность и праведность дела определяется судом, а не адвокатом. Поэтому ключевые слова в приведенном положении – “насколько ему будет известно”. Адвокат наделяется правом по собственному усмотрению определять (разумеется, в предварительном порядке), законны ли требования (возражения) его доверителя, причем это право действует на протяжении выполнения им поручения. Никаких ограничений этого права Кутюмы Бовези не устанавливают». Что же касается права французских адвокатов в любой момент отказаться от поручения по основанию отсутствия правовой позиции, то, как отмечает указанный автор, «иначе и нельзя было ввиду необходимости поддерживать в обществе принципы нравственности и удерживать подданных от чрезмерного пристрастия к сутяжничеству»¹⁹.

Вместе с тем очевидно, что выяснение того, действительно ли адвокат сознавал, что он ведет неправое дело, весьма затруднительно по целому ряду причин. Во-первых, он может добросовестно заблуждаться относительно законности поддерживаемых им требований или возражений клиента; во-вторых, нередко оценка тех или иных обстоятельств с фактической или юридической стороны яв-

ляется спорной и вызывает существенные затруднения; в-третьих, неоднозначным может быть и толкование подлежащих применению в данном случае правовых норм; в-четвертых, практически очень сложно проверить искренность адвоката, утверждающего, что, по его мнению, отстаиваемая им позиция доверителя законна. Кроме того, как быть, если клиент, несмотря на все разъяснения адвоката относительно того, что его требования или возражения не основаны на законе или не подтверждаются фактическими обстоятельствами дела, все же просит адвоката довести дело до конца, что, как показывает практика, в некоторых случаях заканчивается вынесением судом решения в пользу клиента?

Ввиду незнания адвокатом во многих случаях всех обстоятельств, которые могут в будущем повлиять на исход дела, неоднозначности их возможной юридической оценки, проблем, возникающих при толковании закона, перспективы дела непосредственно на момент обращения к адвокату заинтересованного лица могут быть недостаточно ясны. Применительно к таким ситуациям Молло писал: «В случае сомнений в правоте иска, адвокат все же может взяться за дело. Взгляды так часто меняются, что он может его и выиграть. Но все же он должен остановиться на более вероятном исходе... Браться за дело, нравственно сомнительное, – значило бы подвергнуть сомнению и свою собственную нравственность»²⁰. В данных рассуждениях автор правильно обращает внимание на такое существующее в практике явление, как нередкая перемена представлений юристов, в частности судей, о том, как следует разрешать то или иное дело.

В то же время следует согласиться, быть может, за редким исключением, с мнением Молло, согласно которому адвокат не должен обнадеживать клиента, что процесс будет выигран. Как правильно им отмечается, самые верные дела иногда проигрываются, а в случае проигрыша адвокат может подвергнуться вполне заслуженным нареканиям²¹.

По верному замечанию Молло, какое бы ни занимал адвокат видное место, он не должен отказываться от дел незначительных, иначе его заподозрят либо в корыстолюбии, либо в самомнении. Раз он занимает слишком высокое положение, мелкие дела отойдут от него сами собой²². В то же время, как писал

¹⁸ Молло М. Указ. соч. С. 86 (правило 116).

¹⁹ Андрианов Н.В. Адвокатура – общественная солидарность // Профессия адвоката: Сборник работ о французской адвокатуре / сост. А.В. Поляков. М., 2006. С. 14.

²⁰ Молло М. Указ. соч. С. 55.

²¹ Там же. С. 60 (правило 78).

²² Там же. С. 20 (правило 14).

тот же автор, адвокат не должен набирать слишком много дел; если излишек их не всегда доказывает корыстолюбие, так уж во всяком случае убивает талант²³.

Нежелательным и допустимым лишь как исключение признавался отказ адвоката от ведения уже принятых к производству гражданских дел. Как указывает Молло, «адвокат должен отказаться от дела в том только случае, когда, после тщательного ознакомления с ним, оно ему представится безнадежным; предварительное согласие ни к чему его в данном случае не обязывает»²⁴. Известный французский юрист Филипп де-Бомануар обращал внимание на то, что поскольку адвокат может ошибочно взглянуть на дело, отказ от него должен быть выражен осмотрительно и любезно, чтобы не лишить клиента надежды найти себе другого адвоката²⁵.

Между тем могут иметь место и другие причины отказа адвоката от ведения гражданского дела в суде. В частности, такой отказ может последовать в связи с расхождением мнений между адвокатом и клиентом по поводу позиции, которую целесообразно занять по делу. Если адвокат полагает, что позиция, которой предпочитает придерживаться доверитель, явно расходится с обстоятельствами дела либо действующим законодательством и приведет к заведомому проигрышу дела, а клиент после соответствующих разъяснений, данных ему адвокатом, по той или иной причине не желает изменять свою позицию, адвокат вправе отказаться от данного ему поручения. Как указывал Молло, во всяком деле – как гражданском, так и уголовном – адвокат обязан ознакомить клиента с системой своей защиты или обвинения письменно или устно и, в случае недовольства клиента, отказаться от дела²⁶.

Согласно существовавшим ранее в Западной Европе представлениям адвокат не был обязан разъяснять доверителю причины своего отказа от ведения дела. По этому поводу Молло, излагая правила адвокатской профессии во Франции, писал: «Звание адвоката свободно: он может, без всякого объяснения причин, отказаться от вверенного ему дела. Это основное правило существовало всегда»²⁷. Как указывалось им далее, «Риом-

ское решение 11 июля 1828 г. ... постановляет, что в делах гражданских адвокат может отказаться от ведения дела, не подвергая мотивов отказа рассмотрению Совета, и Ф. Дюпэн, приводящий это решение... полагает, что оно согласно с принципом независимости профессии. Мне кажется, следует установить некоторое различие. Вполне признавая за адвокатом право отказа, думаю, что в случае, если отказ этот оспаривается судьей, от которого исходит назначение, или стороной, адвокат не вправе уклониться от представления Совету мотивов отказа. Если независимость и есть принадлежность профессии, то та же профессия предписывает адвокату и бескорыстие, и уважение приличий. Как избежать нареканий в несоблюдении этого правила без представления собратьям мотивов отказа?»²⁸.

Молло отмечает также, ссылаясь на мнение Буше д'Аржи, что такой отказ должен последовать до начала заседания и в том только случае во время его, когда на самом заседании будет представлен противной стороной какой-либо важный документ, бросающий на дело совершенно иной свет²⁹. При отсутствии указанных обстоятельств «было бы непростительной небрежностью или бесчестным отказаться от дела накануне или в самый день заседания, не давая клиенту времени отыскать другого адвоката»³⁰ до судебного заседания.

Особенно большие проблемы связаны с использованием критерия справедливости при принятии адвокатом поручений на ведение дел и реализацией бывшего распространенным во французской адвокатуре положения, согласно которому «адвокат есть служитель справедливости»³¹. Достаточно сложным и запутанным, в частности, является вопрос о соотношении справедливости и права. В соответствии с распространенной ранее точкой зрения право и является воплощением справедливости. Так, по мнению Аристотеля, право служит мерилем справедливости³². Ульпиан в первой книге «Институций» писал: «Право получило свое название от [слова] "справедливость", ибо согласно превосходному определению Цельса, право есть искусство доброго и справедливого (другой пере-

²³ Там же (правило 15).

²⁴ Там же. С. 65 (правило 89).

²⁵ Там же. С. 56.

²⁶ Там же. С. 64 (правило 88).

²⁷ Там же. С. 48 (правило 61).

²⁸ Там же. С. 51 (правило 63).

²⁹ Там же. С. 65 (правило 89).

³⁰ Там же (правило 91).

³¹ Профессия адвоката: Сборник работ о французской адвокатуре. С. 363.

³² Аристотель. Политика. Кн. 1 // Соч. в 4 т. Т. 4. М., 1983.

вод: «право есть искусство добра и справедливости» (*jus est ars boni et aequi*)» (Дигесты. I.1.1). В русской науке право именовалось «выражением справедливости»³³, «формулой справедливости»³⁴.

Однако с течением времени понятия «право» и «справедливость» стали в значительной мере обособленными, хотя никто и не отрицал их связь. Представляется, что данное обстоятельство было обусловлено тремя основными причинами. Во-первых, как известно, право содержит значительное количество так называемых «ситуационных» норм, позволяющих правоприменителю в определенных общих пределах варьировать свои решения в зависимости от установленных им конкретных обстоятельств, например, определять подлежащую применению меру уголовного наказания или размер подлежащих взысканию алиментов, когда он не определен законом. При этом немаловажное значение для надлежащего регулирования соответствующих отношений имеет соблюдение, наряду с нормой права, требования справедливости. Во-вторых, нередкими стали случаи, когда нормы действующего права признаются не соответствующими критерию справедливости на официальном уровне, например при рассмотрении дел международными судами, в частности Европейским Судом по правам человека. В-третьих, с усложнением общественных отношений становится все более и более ясным, что право как некий общий стандарт поведения не может учитывать каждую конкретную ситуацию и обеспечивать справедливость во всех без исключения случаях, в результате чего возникает весьма ощутимый разрыв между правом и справедливостью.

Если же рассматривать справедливость как обособленное от права понятие, то практическое пользование им также сопряжено с рядом проблем. Как правильно отмечалось в литературе, категория справедливости, будучи оторванной от конкретного культурно-исторического контекста, оказывается лишенной всякого содержания. Кроме того, единое представление о справедливости возможно только в рамках узкой группы людей (общины, семьи и т.д.), да и то в определенных временных рамках. В сложносоставных обществах, где существуют различные системы нравственных ценностей, множество субкультур, поня-

тие справедливого приобретает способность легко меняться на противоположное. Более того, даже у одного человека понимание справедливого и несправедливого может меняться на протяжении весьма короткого срока, в особенности – если непосредственно затронуты его интересы. Людям свойственно считать справедливым удовлетворение именно своих интересов, тем более, если речь идет о юридическом конфликте³⁵.

Не случайным в связи с изложенным является то, что законодательное закрепление имевших ранее место ограничений в принятии адвокатами поручений на ведение дел в судах становилось все менее актуальным и в конце концов перешло полностью в сферу доктрины и адвокатской этики, в которой данный вопрос либо не решался вовсе и оставался на усмотрение самих адвокатов, либо решался далеко неоднозначно.

Так, уже в начале XIX в., во времена Наполеона Законом от 22 вентоза XII г. (4 февраля 1804 г.) был утвержден новый текст присяги французских адвокатов, который гласил: «Клянусь не говорить и не публиковать, в качестве защитника или юрисконсульта, ничего противного законам, распоряжениям правительства, добрым нравам, безопасности государства и общественному спокойствию и никогда не уклоняться от должного уважения к судам и общественным властям»³⁶. Как видим, здесь уже не идет речь об обязанности адвоката вести только правые, справедливые, законные дела.

Ко второй же половине XIX в. только бельгийское законодательство предписывало адвокатам «защищать лишь те дела, которые представляются справедливыми их душе и совести». Европейское законодательство других стран (французское, германское, австрийское, русское, испанское, итальянское, венгерское, местно-австрийское для областей боснийской и герцеговинской) совершенно умалчивали о выборе дел адвокатами³⁷.

Со временем в странах Западной Европы стала ставиться под вопрос обязательность соблюдения правила о ведении адвокатами только правых дел и на уровне адвокатской этики. Начало этим сомнениям еще в древние времена было положено наиболее известным из римских ораторов – Цицероном, в одних

³³ Соловьев В.С. *Философские начала цельного знания*. Соч. в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 147.

³⁴ Тихомиров Л.А. *Монархическая государственность*. СПб., 1992. С. 22.

³⁵ Андрианов Н.В. Указ. соч. С. 11–12.

³⁶ Цит. по: Васьковский Е.В. *Организация адвокатуры*. Ч. 1. С. 150.

³⁷ Васьковский Е.В. *Основные вопросы адвокатской этики*. С. 294–295.

случаях говорившим, что не следует защищать «нечестивых и дурных людей», а в других высказывавшим иной взгляд³⁸.

В качестве особенно активного проводника позиции отрицания необходимости отбора адвокатом дел, принимаемых им для ведения в суде, выступил выдающийся английский философ, экономист и теоретик права Иеремия Бентам. В своем труде, посвященном судопроизводству, он излагает свои рассуждения следующим образом: «...Адвокат, за исключением особенных случаев, не может и не должен отказываться ни от какого дела. Может ли он произнести свое мнение о справедливости или несправедливости дела до его рассмотрения? Взяв же на себя защиту, может ли он нарушить принятую на себя обязанность, не обманув своего клиента? По какому праву займет он место судьи? И какое преимущество имел бы человек могущественный, если бы он мог уговорить адвоката отказаться от защиты его противника под тем предлогом, что совесть не позволяет ему продолжать ведение дела? Назначение адвоката – защищать, как случится, – то правую, то неправую сторону; его нельзя изменить. Интерес правосудия требует этой борьбы противоположных сторон. Дело судьи отбросить их софистические доводы и найти истину в самых их противоречиях. Польза этого состязания так очевидна, что общественное мнение безмолвно дает адвокатам некоторую свободу, освобождая их, при отправлении их обязанности, от того строгого уважения к правосудию и истине, которое требует во всяком другом случае. В этом отношении их положение несколько сходно с положением актеров, которым дозволяют выражать чувства, осуждаемые нравственностью, и о которых не судят по их ролям»³⁹.

На таких же соображениях основывался и известный английский адвокат Форсит, рассуждения которого приводит Е.В. Васильковский. Указав, что адвокат – не судья, что его обязанность излагать в каждом деле одну сторону вопроса, что в связи со сложностью судопроизводства тяжущиеся не в состоянии вести дело без помощи специалиста – законоведа, он пишет далее: «Было бы просто тиранией и несправедливостью, если бы постановления судов предвосхищались частными мнениями, и адвокаты воображали, что они могут угадать приговор или решение, а потому отказать в помощи свое-

го профессионального искусства». Рассматривая далее вопрос о столкновении закона с нравственностью, Форсит высказывает мнение, что для адвоката закон должен быть важнее по двум причинам: 1) потому, что если даже верховный носитель справедливости – суд обязан прежде всего применять закон, то тем более это необходимо для адвоката; 2) потому, что если адвокат в своих консультациях на дому может давать клиентам советы и разъяснения, руководствуясь законами и не обращая внимания на нравственность, то нет основания, по которому ему нельзя было бы сделать шаг дальше и высказать свое мнение на суде. Однако при этом Форсит делает следующую оговорку: «Отсюда не следует, что адвокат обязан во всех тех случаях, когда закон в пользу какой-либо стороны, предоставлять свои услуги этой стороне, если она обращается за ними. Он может отказаться стать орудием завершения целей низкой и беспринципной злоумышленности»⁴⁰. Изложенные взгляды Форсита вызвали критическое замечание Е.В. Васильковского, указывавшего на отсутствие у автора четкого критерия, пользуясь которым адвокат мог бы отказываться в оказании помощи в ведении дел в суде⁴¹.

Третьим автором, выступившим против ограничения дел, за ведение которых может взяться адвокат, явился известный бельгийский адвокат Пикар. Первоначально в составленном им совместно с Дюшеном руководстве для адвокатов он принял мнение Молло. Однако затем в своем весьма известном произведении «Парадокс об адвокате» им был развит совершенно иной взгляд. Прежде всего Пикар на примере двух адвокатов, выступавших по одному делу и весьма активно отстаивавших противоположные позиции по нему, показал искусственный, не согласующийся с обычной адвокатской деятельностью характер сохранявшегося еще в то время в бельгийском законодательстве положения о том, что адвокатам можно «защищать лишь те дела, которые представляются справедливыми их душе и совести». Один из известных адвокатов, участвовавших в рассмотрении данного дела, со слов Пикара, применительно к указанной выше формуле присяги говорил следующее: «Если эта формула в действительности исполняется, а я и мой противник только что говорили –

³⁸ Там же. С. 295.

³⁹ Бентам И. О судопроизводстве. СПб., 1860. С. 116–117.

⁴⁰ Цит. по: Васильковский Е.В. Основные вопросы адвокатской этики. С. 300–301.

⁴¹ Там же. С. 301.

один за, другой против? Каким образом мы находили возможным делать это же самое вчера и будем делать завтра, и так изо дня в день, сегодня против одного, завтра против другого, и так протекает вся жизнь адвоката! Какая цена моему разуму и моей совести, совести и разуму противника, встречаемого мною ежедневно на другой стороне, противоречащего мне, если эти разум и совесть двух лиц по таким важным и капитальным вопросам, как имущество, честь и свобода, могут быть столь различны и противоположны? Какую жалкую и унижительную комедию играл бы адвокат ежедневно, если бы он в его деятельности руководился такими правилами, как их изображают люди предубежденные!

И это еще не все. Если бы мой клиент обратился к моему противнику, а его клиент ко мне, то разве я не стал бы поддерживать то же самое, что он, а он, мой противник, не доказывал бы того, что доказывал я? Потому что положения, которые он развивал с такой силой и убедительностью, ему казавшиеся основательными, могли ведь показаться таковыми и мне. Его суждения не хуже моих, наши достоинства равны, и от того, что он нашел возможным защищать, он, один из первых адвокатов и абсолютно честный человек, какое право имел бы я, не оскорбляя его, отказаться? – Все это так, а в результате – черное и белое, утверждение и отрицание, истинное и ложное, которое в то же время, в тех же одинаковых условиях, двум чистосердечным людям, с ясными умами, опытом и талантом, казалось одновременно и справедливым, и несправедливым. Это-то и дает, как о том говорит рутина, странный и разочарывающий спектакль новичку, вступающему в среду адвокатуры; этой-то двусмысленной и постыдной работе, под фирмой профессии, именующей себя благородной и свободной, он должен посвятить свою жизнь!»⁴². Он продолжал свою мысль: «Если все это правда, то насколько права толпа, называя нас торгашами слова.

Как основательна злоецающая шутка, что ни вдова, ни сирота никогда не нуждались бы для защиты их в адвокате, если бы не было другого адвоката для нападения на них!

Как я понимаю того из моих товарищей, который, обладая данными, необходимыми для хорошего адвоката, впал в полнейшую апатию, бездеятельность и, витая во мраке

сомнений, ответил мне однажды: «Я питаю ужас к моей профессии»⁴³.

Далее Пикаром приводятся доводы того же известного адвоката, учеником которого в то время он был. Прежде всего данный адвокат выступает против той части формулы присяги бельгийских адвокатов, в которой говорится об их обязанности вести только правые дела: «Знайте же, положение, гласящее, что адвокат должен вести только такие дела, которые он считает по совести и разуму правыми – положение ложное, это ложный принцип, ибо он порождает лицемерие и разочарование»⁴⁴.

Свои рассуждения Пикар начинает следующим образом: «Есть процессы, несправедливость возбуждения которых очевидна; никто из честных и себя уважающих товарищей не берется за них. По крайней мере за 20 лет моей деятельности я не встречал подобного случая. Если же такие случаи и имели место, то подобные процессы велись теми бессовестными и развращенными лицами, которые остаются в списках сословия лишь благодаря той, очень широко применяемой снисходительности, которая заставляет нашу дисциплину уклоняться от исключения из сословия. Процессы, обыкновенно проходящие перед судами, таковы, что в закономерности и в успешности нападения и защиты никто не сомневается, и работа, произведенная как той, так и другой стороной, оказывается полезной для правосудия»⁴⁵.

Как видно из изложенного, взгляды Бен-тама, Форсита и Пикара объединяет то, что ни один из них не считает, что адвокат должен браться за ведение абсолютно любого дела, по которому к нему обратятся, и что все указанные авторы полагают, что возможен отказ от выступления в суде по делу по одним лишь нравственным основаниям, хотя бы и при наличии правовых оснований для поддержания позиции обращающегося к адвокату лица в суде.

Между тем Пикар продолжает: «Первое, что надо определить, дабы разобраться в этих потемках, – это установить, что должно быть дано правосудию, чтобы оно могло выполнить свою задачу.

Судебное решение должно отыскать и установить истину; но предоставленные сами себе судьи, будь они самыми интелли-

⁴² Пикар Эдм. Об адвокате: (Парадокс). М., 2000. С. 12–13.

⁴³ Там же. С. 13.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 14–15.

гентными, выполнить этого не могут. Для того чтобы овладеть массой сложных элементов, которые дадут им возможность постановить наиболее близкое к истине решение, надо, чтобы дело перед их глазами было подвергнуто глубокому анализу, чтобы оно было разобрано со всех сторон, чтобы все его содержание рельефно выступало, чтобы все “за” и все “против” были ясно выражены, чтобы все содержание дела свободно разбиралось, оспаривалось и защищалось, и обычай, столь же древний как сам процесс, об этом свидетельствует. Чтобы в этом вполне убедиться и уничтожить всякое сомнение, зайдите в суд и прослушайте там дело. Прослушайте одного, потом другого. Попробуйте отдаться впечатлениям, которые на вас произведут эти речи; поддайтесь их аргументации, которая как болото, маня вас через него выйти на берег, ведет вас в еще более топкие места. Смотрите, с какой изобретательностью каждый из противников углубляется в вопрос и в нем вращается, подмечает все стороны, объясняет и придает ценность и значение фактам. Даете ли вы себе отчет об этой труднейшей работе просеивания, которая совершается и дает в результате возможность извлечь из этой необработанной массы, которая составляет процесс, все до мельчайших, имеющих ценность, подробностей? Каждый аргумент берется, разбирается и бросается противнику, который, в свою очередь, принимает его, оценивает и возвращает обратно. Когда талантливый адвокат дает себе труд вдуматься в дело, он в нем находит то, чего не заметит посредственный ум; и это всегда, даже в тех случаях, когда он имеет дело с полнейшей очевидностью. У него есть какая-то особая способность, с одной стороны, усиливать значение маленьких, как бы пустых, обстоятельств и придавать им значение, которого они, как казалось ранее, и не имели; с другой стороны, он умеет уменьшать и смягчать значительность других обстоятельств, тем самым упрощая их и делая их как бы более понятными. Приводя таким образом все к надлежащим размерам, которые в сущности и соответствуют действительности, он и содействует уяснению дела. Вот каким образом, перед судьями, зрителями этого удивительного процесса, совершается акт очищения дела от всего излишнего, постепенного примирения в нем всех противоречий и подбора, который в результате оставит на поле борьбы лишь чистейшие самородки золота, из которых судьи и выкуют свое решение. А отсюда вам уже

ясно видна настоящая миссия адвоката. Ему не нужно а priori становиться в роль судьи дела, как это рекомендуется педантичной формулой и Prudhomme'ами⁴⁶ адвокатуры, он не должен иметь претензий разрешить с самого начала и лишь своими малыми силами то, что может явиться результатом лишь совокупной работы нескольких лиц, о которой я только что говорил...

Думать, что познакомившись с делом лишь со слов клиента и по его документам, не выслушав противника и его объяснений, думать, что и в таких условиях можно решить, что выйдет из дела, чем оно окончится – это иллюзия, достойная метафизиков, полагавших, что лишь усилием их мозгов они откроют и восстановят истину.

В этом положении дела есть место только для гипотез, предположений; тут-то и получила начало поговорка, которой, шутя, колют адвоката, излишне уверенного в выигрыше дела: “ничто не навредит так процессу, как название беспроегрышным”. Кто из нас не испытывал этого странного чувства, когда после речи, усиленной новыми, не подготовленными и только что пришедшими в голову, аргументами, находишь свое дело в лучшем положении, чем это ранее предполагал, и, наоборот, кто из нас, выходя к кафедре, вполне уверенным в выигрыше дела, не отходил от нее, выслушав противника, совершенно разочарованным и уверенным в проигрыше!

Вернемся теперь к формуле присяги и спросим себя, чего она стоит, когда предписывает адвокату вести лишь те дела, которые он по разуму и совести считает правыми, т.е. лишь те, которые порождают в нём безусловное убеждение в правоте, убеждение, исключющее всякое сомнение, убеждение прочное как сталь и чистое как девственный снег. Или формула присяги nonsense, возлагающий на адвоката неисполнимую обязанность, нечто вроде – окончить то, к чему не приступал, или формула хочет сказать (и в таком случае редакция её оставляет желать многого), что всё, что мы должны делать, принимая процесс, это удостовериться, что в деле есть основания, которые можно серьезно и легально отстаивать, хотя бы успех и не был верным, хотя бы дело вызывало сомнения, хотя бы оно могло

⁴⁶ Сюлли Прюдом (настоящее имя Рене Франсуа Арман Прюдом, 1839–1907) – известный французский поэт, для поэзии которого были характерны некоторая расщепленность и стремление к моральному и логическому осознанию действительности. По-видимому, эти черты творчества Прюдома и имел в виду Пикар, используя его имя в данном случае как нарицательное.

быть, в конце концов, и проиграно? Другими словами требуется лишь решить, может ли дело защищаться, а разумный и честный человек его защищать. Вот единственный вопрос, который должен быть задан нашей совести и нашему разуму. Только в этом смысле и в этих пределах можно говорить, что адвокат есть первый судья дела. Уходя за эти пределы, вступают в трясину противоречий, в дебри компромиссов, споров и, в особенности, в сферу лицемерия. Смотрите, как с этой минуты все просветляется и разъясняется. Уже нет места для вульгарного сарказма. Всякий процесс, дошедший до суда, по существу сомнителен, так как таковым он признан двумя просвещёнными умами. За и против представляются в деле почти в одинаковом количестве, в одинаковой силе, и каждая сторона этой колеблющейся комбинации pro и contra будет выставлена на суде, освещена и, так сказать, вылеплена талантливыми руками двух противников. Правда, что каждый из двух противников мог бы поменяться местом и принять ведение дела противника, но это лишь потому, что в деле на обеих сторонах есть сомнения, потому что к поддержанию той или другой стороны искусный ум может найти законные способы. Что делать? Ограниченной и брэнной натуре человека, даже в его высших проявлениях, не дано познать истину. Мы ее видим всегда с одной лишь стороны и поступаем так, как будто бы только на этой стороне она и находится. Один видит истину спереди, другой сбоку, и только потому, что каждый предлагает свою точку зрения, судья понимает все в совокупности. Судебное состязание напоминает легенду о тех двух рыцарях, которые шли один навстречу другому, а на пути их стояла статуя Марса, вооруженного щитом, серебряным снаружи и золотым внутри. Они долго спорили и в конце сильно побились из-за того, что каждый настаивал, что щит Марса из того металла, который представлялся его взору. Все зависит от комбинации и сочетаний. Лишь благодаря сопоставлению речей двух сторон, речей одна другую очищающих и анализирующих, появляется во всей силе и величии решение суда. И в какое завидное положение, благодарную роль, тотчас же переходит адвокат из того двусмысленного положения, в котором он оказался. Вооруженный словом, он напоминает мастера, который, не зная конечного назначения куска металла, попавшего под его молот, сознает, что благодаря его работе, решение будет выработано правильно и справедливо. Как не выйдет он из этого дела, победителем, или побежденным,

он выйдет из этого мирного боя удовлетворенным убеждением, что выполнил функцию, без которой не явилась бы в мир судебная истина. Смешными и безрезультатными оказались бы все дела, если бы каждый из двух противников являлся с целью высказать по делу свое беспристрастное мнение и, забывая, что он представитель интересов своего доверителя, предвосхищая деятельность суда, претендовал бы резюмировать дело, спорить и постановить окончательное решение.

Да и можете ли вы себе представить таких двух обесцвечивающих процесс адвокатов и удаляющих из дела всю страстность защиты, которая одна и сразу извлекает из дела все нужное? Адвокат овладевает, сказал я, достойным положением; но достоинство его еще более увеличивается: в его горячем споре есть нечто большее чем одно стремление достигнуть справедливости лишь в отдельном конкретном случае»⁴⁷.

Сказанное Пикаром перекликается с мнением Бентама и Форсита, согласно которому до рассмотрения дела судом невозможно, в том числе и адвокату, определить, какая из сторон по делу права, а какая – нет, и в чью пользу будет вынесено решение судом. В отличие же от указанных двух авторов, Пикар весьма много внимания уделяют значению состязания, которое ведется в процессе адвокатами и от которого зависит правильность решения, выносимого судом. Очевидно, что если бы адвокаты отказывались, как этого требовала присяга бельгийских адвокатов, от ведения тех дел, которые с самого начала представлялись им неправыми, то это не позволяло бы суду всесторонне исследовать все обстоятельства дела, что несомненно противоречило бы интересам правосудия.

Пикар обращает внимание и на значение участия адвоката в сомнительных или даже неправых, с точки зрения закона, делах для последующего совершенствования законодательства. Эта мысль выражена в следующих его словах: «Прогрессивное улучшение права зависит также от его усилий, его работы и таким образом судебное состязание придает его полезной деятельности еще большее значение.

Настойчивость, с которой он разыскивает все, что законным способом поддерживает принятое им на себя дело, наталкивает его ум на юридические вопросы. Тут он опять исследует, роется, ищет, и как только возникает сомнение – он выносит его на свет. Если осталась лишь какая-нибудь сторона в деле

⁴⁷ Пикар Эдм. Указ. соч. С. 15–20.

не освещенной, если только есть задоринка, разрушающая цельность решения, – он ее подмечает, указывает на нее, требует ее исправления, а порой заявляет прямо о необходимости изменения закона. Тут берет свое начало движение в юриспруденции, движение часто и медленное, как отливы моря, а порой быстрое, как извержение вулкана, выталкивающее на свет или новый остров или новую гору. В общем, право не менее подвижно, чем другие науки, оно, как замечательно мягкая и ковкая масса, способно, и в действительности постоянно подвергается изменениям.

Очень часто судебное состязание даёт жизнь новым взглядам, новым мыслям. Сначала их называют парадоксами; за сим говорят, что нет ничего невероятного, что в ничто и заключается истина; в конце концов все себя спрашивают – ужели можно было когда-нибудь быть противоположного мнения. Все это рождается, растет и вызревает у адвоката за столом в пылу состязательного процесса, а жатва выразится в собрании правильных, разумных и современных решений. Ученые теоретики не могут оказывать большого влияния на движение и усовершенствование права; это мы, адвокаты, заставляем право улучшаться. Хотя и правда, что порой приходится выступать по делу без надежды на успех, идти против сложившихся убеждений и, так сказать, только во славу права, но, с другой стороны, нет для нас большего триумфа, как заставить суд изменить мнение на сложившуюся юридическую норму»⁴⁸.

Далее Пикар с осуждением говорит о «лжеучении какой-то ложной независимости адвоката, будто разрешающей ему произвольно, сообразуясь лишь со своими взглядами, интересами и расчетами, выбирать себе процессы»⁴⁹. «Адвокаты... должны брать всякое дело, которое можно защищать в том смысле, что оно содержит в себе такие юридические сомнения, наличие которых не исключает возможности разумно и по совести его поддерживать и отстаивать. Независимость и свобода могут проявляться только уже после принятия процесса, и они проявляются лишь в выборе средств, способов защиты и в свободе убеждений.

Адвокат, который станет делать изыскания для определения того, насколько достоин его помощи человек, который к нему обратился, станет справляться, что это за личность, какова ее мораль, – не исполняет своего долга

и поступает против независимости сословия; независимость корпорации для того и дана, чтобы она лучше удовлетворяла предъявляемые к ней требования. Только порицания заслуживают те благоденствующие адвокаты, которые занимаются лишь теми делами, которые содействуют их славе и соответствуют их вкусам, их личным интересам или выгодам; они походят на доктора, который отказывал бы тем, болезнь коих ему противна. Для адвоката – художника, преданного делу, нет маленьких дел, как нет на сцене маленьких ролей для талантливого актера. Адвокатура создана не для наслаждения тех, кто в ней состоит, а для общественного служения, служения трудного, сурового и серьезного. Обращение к нам клиентов – не просьба, а требование, от которого мы можем тогда лишь уклониться, когда очевидно, что законная поддержка и спор по поводу их требований невозможны»⁵⁰.

Нетрудно заметить в приведенной выдержке из произведения Пикара осуждение ставшего традиционным снобизма известных французских адвокатов, ратовавших за нравственную «чистоту» адвокатской деятельности, а также подчеркивание им публичного характера последней, не позволяющей адвокату отбирать дела по своему желанию для выступления по ним в суде в зависимости от его представлений о нравственности или безнравственности позиции, занимаемой обратившимся к нему за помощью лицом.

По поводу же сомнительных с точки зрения морали дел Пикар замечает: «И вот когда вы видите адвоката, ведущего такой процесс или защищающего такого клиента, что в первую минуту несколько удивляешься, – не оскорбительное подозрение должно прийти в голову. Собратья и судьи должны просто сказать себе: “Он защищает это дело потому, что к нему первому с ним обратились; что он был достаточно свободен, чтобы его принять; что он считал профессионально бесчестным бежать от опасности или ждать, когда к нему обратится лучший клиент”»⁵¹.

Против ограничения круга дел, принимаемых к ведению адвокатами, только правыми делами высказывался и целый ряд других западноевропейских адвокатов. Так, известный итальянский ученый и адвокат XVIII в. Романьози полагал, что адвокаты не должны быть окончательными судьями дела; отказываясь от процессов, представляющихся им неправыми, они тем самым лишают клиентов

⁴⁸ Пикар Эдм. Указ. соч. С. 20–21.

⁴⁹ Там же. С. 43.

⁵⁰ Пикар Эдм. Указ. соч. С. 43–44.

⁵¹ Там же. С. 45.

средств защиты, которую сам закон признает необходимой для правильного отправления правосудия⁵².

Английские же адвокаты так и не пришли к согласию относительно такого капитального вопроса, как ведение заведомо неправых дел⁵³. Таким образом, к концу XIX в. мнения западноевропейских юристов по поводу дел,

которые, с точки зрения их правоты и справедливости, может вести адвокат, существенно разошлись, что нашло свое отражение и в разногласиях между российскими присяжными поверенными, в результате чего потребовалось продолжение рассмотрения этого имевшего принципиальное значение для адвокатской практики вопроса в следующем, XX в.

Библиография:

1. Аристотель. Политика. Кн. 1. // Соч. В 4 т. Т. 4. – М., 1983.
2. Андрианов Н. В. Адвокатура – общественная солидарность // Профессия адвоката: Сборник работ о французской адвокатуре / сост. А. В. Поляков. – М.: Статут, 2006.
3. Бентам И. О судопроизводстве. – СПб., 1860.
4. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. – М., 1998.
5. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 1. – СПб., 1893.
6. Васьковский Е.В. Основные вопросы адвокатской этики // Традиции адвокатской этики. Избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX в.) / сост. И.В. Елисеев, Р.Ю. Панкратов. – СПб., 2004.
7. Марка Фабия Квинтилиана двенадцать книг риторических наставлений. Ч. 2. – СПб., 1834.
8. Молло М. Правила адвокатской профессии во Франции // Традиции адвокатской этики. Избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX в.) / сост. И.В. Елисеев, Р.Ю. Панкратов. – СПб., 2004.
9. Невядомский Д. Вечные вопросы адвокатуры (по поводу «Этюда по адвокатской этике» Гр. Джаншиева) // Традиции адвокатской этики. Избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX в.) / сост. И.В. Елисеев, Р.Ю. Панкратов. – СПб., 2004.
10. Пикар Эдм. Об адвокате: (Парадокс). – М., 2000.
11. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания. Соч. в 2 т. Т. 2. – М., 1988.
12. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – СПб., 1992.
13. Чельцов М. Об адвокатской профессии и юридической природе советской адвокатуры // Советское государство и право. – 1940. – № 7
14. Шершеневич Г. Ф. Официальный отзыв на сочинение Е.В. Васьковского, канд. юрид. наук, под заглавием «Организация адвокатуры» в 2-х частях 1893 года, которое он представил для получения степени магистра гражданского права // Ученые записки Императорского Казанского Университета. Год LXIV. Девятая книга. Сентябрь. – Казань: Типо-литография Университета, 1897. (Учен. зап. Императорск. Казанск. ун-та. Книга 9. 1897.)

References

1. Aristotel'. Politika. Kn.1. // Soch. V 4 t. T. 4. – M., 1983.
2. Andrianov N.V. Advokatura – obshchestvennaya solidarnost' // Professiya advokata: Sbornik rabot o frantsuzskoi advokature / sost. A.V. Polyakov. – M., 2006.
3. Bentam I. O sudoproizvodstve /Po fr. izd. Dyumona izl. A. Knirim. – SPb., 1860.
4. Berman G. Dzh. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya. – M., 1998.
5. Vas'kovskii E.V. Organizatsiya advokatury. Ch. 1. – SPb., 1893.
6. Vas'kovskii E.V. Osnovnye voprosy advokatskoi etiki // Traditsii advokatskoi etiki. Izbrannye trudy rossiiskikh i frantsuzskikh advokatov (XIX – nachalo XX v.) / sost. I.V. Eliseev, R.Yu. Pankratov. – SPb., 2004.
7. Mark Fabiya Kvintiliana dvenadtsat' knig ritoricheskikh nastavlenii. Ch. 2. – SPb., 1834.
8. Mollo M. Pravila advokatskoi professii vo Frantsii // Traditsii advokatskoi etiki. Izbrannye trudy rossiiskikh i frantsuzskikh advokatov (XIX – nachalo XX v.) / sost. I.V. Eliseev, R.Yu. Pankratov. – SPb., 2004.

⁵² Васьковский Е.В. Основные вопросы адвокатской этики. С. 303–304.

⁵³ Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 1. С. 218.

9. Nevyadomskii D. Vechnye voprosy advokatury (po povodu «Etyuda po advokatskoi etike» Gr. Dzhanshieva) // Traditsii advokatskoi etiki. Izbrannye trudy rossiiskikh i frantsuzskikh advokatorov (XIX – nachalo XX v.) / sost. I.V. Eliseev, R.Yu. Pankratov. – SPb., 2004.
10. Pikar Edm. Ob advokate: (Paradoks). – M., 2000.
11. Solov'ev V.S. Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya. Soch. v 2 t. T. 2. – M., 1988.
12. Tikhomirov L.A. Monarkhicheskaya gosudarstvennost'. – SPb., 1992.
13. Chel'tsov M. Ob advokatskoi professii i yuridicheskoi prirode sovetskoj advokatury // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1940. – № 7.
14. Shershenevich G.F. Ofitsial'nyi otzyv na sochinenie E. V. Vas'kovskogo, kand. yurid. nauk, pod zaglaviem «Organizatsiya advokatury» v 2-kh chastyakh 1893 goda, kotoroe on predstavil dlya polucheniya stepeni magistra grazhdanskogo prava // Uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta. God LXIV. Devyataya kniga. Sentyabr'. – Kazan': Tipo-litografiya Universiteta, 1897. (Uchen. zap. Imperatorsk. Kazansk. un-ta. Kniga 9. 1897).

Материал поступил в редакцию 23 июня 2013 г.